

ОНА только что вернулась из Приекуле. Там проводила свой короткий отдых. С глазу на глаз с природой, в щедро расцветивших осенним багрянцем ароматных курземских лесах. Просто ходила и пела. Как вольная лесная птаха.

Она чуть устала с дороги. Лицо обветрилось, загорело. А в огромных светлых глазах — снова уйма забот. Посудите сами, давно ли прошли дни латышской культуры и искусства в Москве? Думалось: только бы с честью выдержать этот сложнейший творческий экзамен! Потом можно будет и передохнуть. Где там! Сколько новых забот нахлынуло «потом»!

Вот недавно узнала, что предстоит поездка в Румынию. Она выступит там в своих излюбленных (и очень сложных!) партиях — Кармен и Амнерис... А недавно пришла еще одна радостная весть (и еще один источник беспокойства!) — приглашают в Ереван. Армянский композитор Аида Аветисян специально для нее написала Вокализ в сопровождении симфонического оркестра. Согласитесь, ко многому обязывающее известие! Она, конечно, приняла приглашение, поедет в Армению, будет петь....

Это, так сказать, внеочередное. Но есть еще и «будни». Идут репетиции оперы Ольгерта Гравитиса «Сквозь метель». Ей поручена партия Матери. Это — глубоко символический образ. Это как бы сама душа ее родного народа, его материнская верность, совесть и любовь.

До юбилея остались считанные дни. Всего несколько репетиций до премьеры. А как много надо еще найти, понять, воплотить!

Почти каждый вечер — текущие спектакли. Она загружена в нынешнем сезоне чрезвычайно. Но она вовсе не жалуется. Каждый артист знает, что нет для него большего счастья, чем подобная «перегрузка».

И еще — концерты. Их много. Предстоит сольный концерт в Ленинграде. Большой концертный цикл здесь, дома, в Латвии. Она считает, что к «малым формам» следует относиться с большой серьезностью. Концерт — это ведь своеобразная увертюра перед оперой, известная психологическая и эстетическая подготовка и артистов, и зрителей к будущей совместной работе. Люди должны приходить на оперные спектакли снова и снова, по несколько, по много раз. Вслушиваться, вдумываться, учиться распознавать, чувствовать и ценить, учиться понимать язык музыкальных и вокальных ассоциаций. И с каждым разом они будут все глубже и глубже проникать в сказочный лабиринт настоящего большого искусства. Концерт — шаг вперед по этому лабиринту.

Вы просите рассказать о прошлом? О творческом пути актрисы? Что ж, она попытается. Придется расстелить перед вами многосерийную ленту воспоминаний. Хотя лет-то актрисе не так уж много, но сколько уже было этапов и вех!

Началось примерно так.

...Тоненькая девчонка-подросток колеровала в самостоятельном вокальном коллективе. Она пела

плохо, без техники и нюансов, пела неэкономно, беспощадно форсируя свой от природы низкий, богатый голос. Это еще не было искусством. Могучий поток звукомыслей еще, в сущности, был зажат глубоко-глубоко в ее груди. Но он уже жил, этот поток. И чье-то очень чуткое и очень доброжелательное ухо уловило его.

Она — дипломантка латвийской консерватории. Берлин. Конкурс имени Роберта Шумана. Ей сразу же пришлось ринуться в бой: она защищала честь великой страны перед памятью великого музыканта. Убеленное сединами, умудренное опытом, ничему не удивляющееся жюри. И перед ним — юная латышская певица, еще вовсе не знающая предела своих возможностей, еще так слабо верящая в себя...

Оперный театр. Сбывшаяся меч-

Она должна вычерпать из него все и, не расплескав ни капли, отдать людям.

И вот — важная веха — Тереза из оперы Ольгерта Гравитиса «Аудрини». Артистка должна найти свое место и на этой странице истории — странице, густо обгазированной народной кровью.

Девушка, за один только час ставшая старухой. Девушка с седыми волосами. Девушка, распотанная, уничтоженная и все-таки живая. Девушка, которая сильнее смерти.

Она потеряла все, что только может потерять человек. Она видела такое, от чего содрогаются даже камни. И вот она поет свою колыбельную песню маленькому мертвецу. Без слов и без слез. Один только голос — бездонный, скорбный и гневный. В нем — и мука, и призыв к непрощению. Огромные светлые

глаза. И голос — могучий, беспощадный и прекрасный. Как сама судьба. Как приговор народа. Как возмездие.

И — странное дело! — чем-то

ОКТАБРЬ И СУДЬБЫ ЛЮДСКИЕ И ЗОВУТ ЕЕ — ЛАЙМА...

та детства. Ее Кармен! Пленительно женственная, гордая своей земной, свободной любовью. Артистка поет гимн свободе и непокорности. И именно эта тема становится ее лейтмотивом, становым хребтом всего ее творчества.

Потом — Лейла. Турецкая девушка, продавщица цветов из «Оперы нищих» Маргеры Зариня. Язык музыки сложен, образный строй непривычен, может, где-то даже противоречив. И все-таки это — именно та, ее заветная тема — тема вольной, непокоренной

очень близок, прямо-таки сродни той трагедийной девушке из латышской деревни Аудрини русский мальчик Ваня, подвигавшийся на подвиг против лихого супостата. Простой крестьянский мальчик, чистый, целомудренный, с широкой и доверчивой русской душой. Пленительна раздольная песня маленького патриота, созданного гением Глинка. Тревожный, проникнутый предчувствием страшной беды, острый и нервный речитатив...

ПРОШЛО семь лет после окончания консерватории. Много это или мало? Семь лет непрерывного поиска. Он не кончается и сегодня. Он не кончится никогда. Хотя теперь завоеваны и зрелость, и мастерство, и признание. Она — заслуженная артистка республики, видная общественница, популярнейшая певица, лауреат республиканской премии. Но тем более она отчетливо сознает, сколько еще неподнятых пластов таит ее талант, в каком она еще большом долгу перед своим искусством. И она продолжает поиск — упорный, целеустремленный.

— Мне, в сущности, очень повезло, — говорит Лайма Андерсон в заключение нашей беседы, — я родилась под счастливой звездой. Представьте себе, что было бы со мной, если бы я появилась на свет на пару десятков лет раньше и жила бы в старой, буржуазной Латвии! Девчонка из простой рабочей семьи, возмечтавшая стать оперной певицей! Что могло получиться из этой мечты? Ведь не было у меня ничего — ни денег на учение, ни веры в свои силы, ни умения доказать родным, что профессия «комедианта» не позорна, а прекрасна. И мечта моя утонула бы...

Очень хорошо, что они прошли навсегда, те недобрые времена! Очень хорошо, что у нас не дадут заглохнуть ни одному таланту, загаснуть ни одной искре творчества. Какое это, право же, счастье, что я как артистка родилась под новой звездой!

И в самом деле — все счастливо в судьбе этой артистки. И зовут-то ее Лайма. А лайме, как известно, по-латышски — счастье.

Ольга МАКАРОВА.

Лайма Андерсон.

любви, не знающей преград и компромиссов. И трудности партии словно даже радуют певицу — теперь уже опытную, уже многое познавшую и в себе, и в искусстве.

Графиня в «Пиковой даме». Кажется, совсем другой полюс артистического диапазона. Целая жизнь, полная блеска и угасания, в одной арии. Тут уже нужны не только вокальная виртуозность и драматическое мастерство. Тут нужна мудрость.

Да, актриса не ищет легких путей и выигранных положений. Она идет путем сложным, не всегда сразу же вознаграждаемым. Путем самоанализа и самооткрытий. Путем непрекращающейся борьбы с собой. Она беспощадно требовательна к своему таланту.

Советская Латвия
С. Рига

25 ОКТ 1967